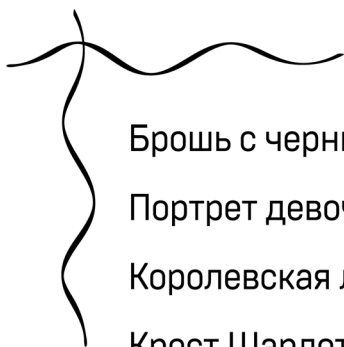

вечерний детектив

Читайте
остросюжетные романы
Елены ДОРОШ
в серии «ВЕЧЕРНИЙ ДЕТЕКТИВ»:

Брошь с черным опалом

Портрет девочки в шляпе

Королевская лилия

Крест Шарлотты

Дороша
Елена

Крест
Шарлотты

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Дорош, Елена.

Д69 Крест Шарлотты : [роман] / Елена Дорош. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-164814-5

Звонок сестры нарушил привычный ход жизни Лиги Белкиной. Инта живет в Латвии, от нее ушел муж, и она просит сестру приехать. Лига надеется, что ее отсутствие будет недолгим, но в Межотне с ней начинают происходить странные и пугающие вещи. По Межотненскому дворцу, в который пришлось устроиться на работу, бродит привидение почтенной старой дамы, сестру попытались отравить, да и ее саму чуть не убили. Люди, живущие в поселке, то ли что-то скрывают, то ли вообще не те, за кого себя выдают. Тут еще неожиданные чувства нахлынули, и вовсе не к оставленному в Питере мужу...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164814-5

© Дорош Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

— Ты сегодня странная какая-то. Что-то случилось, малыш?

Она не стала просить не называть ее «малыш», не было сил сопротивляться.

— У сестры проблемы, Антош. Наверное, придется поехать в Межотне.

— Какие проблемы? У нее же всегда все нормально было?

У сестры уже давно все было как раз не нормально. Лига иногда рассказывала о проблемах в семье Инты, и Антон не мог этого не помнить. Почему же именно сегодня, когда ей так нужно с ним поделиться, он решил сделать вид, что ни сном ни духом?

— Межотне... Межотне... Они же в Риге жили?

Лига промолчала. Про переезд в Межотне она тоже говорила, и не так давно.

— А... вот она где!

Антон вынырнул из-под стола с папкой в руке.

— Застряла. Я думал уже, что забыл на кафедре. Представляешь, если бы не нашлась? Пришлось бы заново все собирать.

Он мельком посмотрел на Лигу:

— Ну и что тебе там делать?

Лига открыла рот, но Антон вдруг вытаращил глаза:

— Межотне... Это же... Точно! Там была вотчина Бирона! Помнишь? Фаворита старушки Анны Иоанновны, императрицы Российской! Межотне... Мезоттен... Ну, конечно! Рундальское поместье Бирона!

Антон взъерошил волосы и стал похож на воробья.

— Черт! Я еще студентом истфака хотел побывать в тех местах! Но как раз начались всякие терки политические с Латвией, все и заглохло. Эрнст Иоганн Бирон — это же знаковая фигура! Потом поместье было кому-то подарено... Не помню точно... При Павле Первом, кажется... Да фиг с ним, с Павлом! Бироновщина — дивное времечко!

Лига вздохнула и поплелась на кухню.

— Ты так и не сказала, зачем и насколько туда едешь.

Антон пошел за ней и встал в дверях с почти обиженным видом. Как будто она собралась на экскурсию, а его с собой не пригласила. Лига нажала кнопку на чайнике. Тот сразу усердно загудел. Интересно, кофе еще остался? Хотя бы

растворимый. Она потрясла банку. Пусто. Ну почему Антон никогда не заходит в магазин по пути! Ведь знает, что она три дня безвылазно просидела дома, проверяя студенческие курсовые.

— Кстати, кофе вчера закончился. Я хотел купить и забыл. Все думал, зачем меня Крохин вызывает! Да еще не сразу, а в конце недели! У самого дома спохватился, но возвращаться уже далеко было. Ты не сердисься?

Лига пожала плечами. Разве она умеет сердиться? Антон подошел и чмокнул ее в шею.

— И вообще, надо поменьше пить кофе. Лучше завари чаю. Давно я чаю с медом не пил.

— Чай тоже закончился. Позавчера. И мед.

Тут она обнаружила пакетик с кофе — три в одном. Гадость страшная, но уже не важно. Кофе хотелось просто невыносимо!

Чайник выключился. Лига высыпала порошок в кружку и налила кипятку.

— Ммм...

Антон потянул носом и заглянул через плечо. Сейчас попросит поделиться и отольет себе три четверти. Обычно Лига не сопротивлялась, но не сегодня. Сегодня ей так тошно, что просто необходима хотя бы толика радости. Пусть и в виде пакетика кофе «три в одном».

Внутренне удивившись самой себе, Лига довольно ловко пронесла кружку мимо мужа и пошла в комнату, прихватив по пути горсть сухпек. С самого утра она не могла окончательно

решить, стоит ли ей ехать в Латвию, хотя была уверена, что она нужна Инте, как никогда. Конечно, уехать перед самой сессией — это свинство по отношению к коллегам. Потом полгода будут губы дуть. К тому же у Антона сейчас большая нагрузка. Ну как его одного оставить? Помрет от недоедания и обезвоживания. Он сам даже яичницу не пожарит.

Лига задумчиво отпила из кружки. Не такой уж плохой кофе, кстати!

— Я не понял, малыш, ты что, все решила без меня?

Антон встал в проеме двери и засунул руки в карманы штанов. Так он делал всегда, когда хотел продемонстрировать крайнюю степень возмущения попытками ограничить его свободу или манипулировать чувствами. В сочетании с растянутыми домашними трениками возмущение выглядело комично. Лига посмотрела на сразу ставшее обиженным лицо мужа. Она как раз ничего не решила и весь день мучилась, к тому же...

— Да. Я поеду.

Сказала она и удивилась, насколько уверенно это прозвучало.

Антон помолчал, покачиваясь с носков на пятки. Кулаки в карманах треников сжались.

— Так. Отлично. Раз тебе на все наплевать...

Ей не было на все наплевать, конечно же. Оставить Антона одного, да еще неизвестно на-

сколько, и жалко, и стыдно как-то. Жена обязана думать о муже и его благополучии, в этом она была уверена. К тому же ехать вообще не хочется — стоит признаться хотя бы самой себе. Ну что ее там ждет? Проблемы сестры она чужими не считала и была готова подставить плечо в любой момент. Но... То, что происходит сейчас в жизни Инты, слишком серьезно. Если помогать по-настоящему, то надо пожить с ней не две недели в качестве гостя, а... Сколько? Сможет ли она позволить себе уехать надолго? Глупый вопрос, вообще-то: конечно, нет. Стоит ли тогда начинать? К тому же чем она может помочь женщине, которую бросил муж? Подставить жилетку для слез — это всегда пожалуйста. В этом Лига специалист. А что еще? На психоаналитика она не тянет, собственного опыта тоже с гулькин нос.

Сестра всегда считала ее мямлей. Друг Мишка называл инфузорией-туфелькой, а в минуту крайней злости — амебой аморфной. Честно говоря, Лига и сама думала о себе примерно так же. Вряд ли совет амебы может помочь в такой ситуации. Развод — дело тонкое и энергозатратное. Здесь нужны недюжинная выдержка и стальные нервы. Хотя с чего она взяла, что Инта собралась разводиться? Такие, как ее сестра, сразу не сдаются. Наверняка сделает все, чтобы вернуть засранца Эдгарса в семью. Тогда тем более Лиге нечем помочь. Сама она в такой ситу-

ации не была и наверняка не будет. Не с Антошей. Он не такой. Но бросить Инту в сложный момент нельзя. Сколько ни злился, ни сопротивляйся, а ехать придется. Надо. Больше некому. Остались бы живы родители, можно было бы рассчитывать на них. Особенно на папу. Вот кто всегда находил нужное слово, верное решение, правильный жест. А что Лига? Мямля, она и в Африке — мямля. Пореветь вместе, покуситься, выпить по рюмочке горькой — и все.

Звонок сотового прервал унылые мысли.

— Белка, ты свинья! — торжественно заявили из трубки. — Куда ты, курица общипанная, ехать собралась?

Лига вздохнула. Сейчас начнется ураган страстей. Мишка Абрамсон по-другому не может. Вот дал же бог темперамент!

— Нет, ты скажи, овца бестолковая, как ты вообще додумалась свалить перед самой страдой? Кого я буду в комиссии пихать? Кого, скажи, коала носатая?

Мишка обожал зоологические обзывалки и страшно гордился их неисчерпаемым многообразием.

— Миш...

— Молчи! Не смей со мной говорить! Сдавай чертов билет и возвращайся на свой шесток, сверчок ты безголовый! Или ты мне, канарейка тощая, больше не друг!

— А враг?

— Хуже! Не друг и не враг! А так!

— А так?! Нет, Миш, этого я не вынесу!

В трубке довольно хрюкнули.

— Ну то-то же! Так что, в приказ тебя вставлять?

Лига с тоской поглядела в окно. Белые ночи в Питере только начинались. Впереди все самое лучшее. И пусть погулять по городу из-за сессии ей не удастся никогда, зато не страшно идти домой одной, даже если ушла из университета в десять вечера. Как не хочется уезжать...

— Нет, Миш, не вставлять. У меня в семье проблемы. Придется ехать в Латвию.

— Умер кто-то, что ли? — осведомился Мишка.

— Нет. Сестра... Короче, ее бросил муж. Она осталась с двумя детьми. Без работы и без денег.

— По судам затаскать мерзавца! Ободрать, как сидорову козу! Тьфу! Как липку! Сгноить в тюрьме! Добиться высшей меры! Расстрелять за первым углом без права переписки!

Лига прыснула. Вот кого надо посылать сестре на выручку! Мишка! Друг верный!

— Мишунь, ну прости ты меня, а? Я отработаю, честное пионерское! Вернусь и отработаю!

— А когда вернешься-то?

Хотелось бы знать!

— Постараюсь побыстрее! Буду изо всех сил стараться! — вдохновенно воскликнула Лига.

Мишка Абрамсон длинно вздохнул:

— Да уж... Свежо предание, а верится с трудом...

— Миш, я правда постараюсь. Ты только не сердись на меня. Мне и так тошно.

— Переживаешь, что твоя Тонечка без тебя похудеет?

Тонечкой ее мужа, Антона Белкина, называли еще со студенческих времен. Лига всегда расстраивалась, когда слышала это прозвище. Было в нем что-то уничижительное, а это несправедливо. Особенно теперь, когда Антон стал солидным человеком, преподавателем, защитил диссертацию.

— Миш, ну хватит. Антон все понимает и не возражает.

Хотелось бы верить.

— Ладно, Белка. Поезжай к сестренке. Прижми бедолагу к груди. А еще лучше сразу возьми козла за рога и верни в стойло! Хотя что я говорю! Где тебе! Ты же у нас нежная! Ажурная!

— Скажи еще — гламурная.

— До этого дело не дошло. Ты — девушка тонкая и хрупкая. А гламурные — они цепкие, наглые и циничные! В наше время чтобы гламурной быть, нужны нервы как канаты, пробивная сила и куча бабла!

Мишка говорил весело, но Лига почувствовала в его голосе неподдельную злость.

С Абрамсоном они дружили с тринадцати лет. Занимались английским у одного репети-

тора. Толстый еврейский мальчик и тощая латышская девочка. Мишка уже тогда стрекотал на английском довольно бойко, но грамматика ему не давалась ни в какую. Лига, наоборот, никак не могла преодолеть барьер и начать общаться, хотя во всем остальном преуспевала. Писала, читала, но не говорила. Мишка сразу понял, в чем ее проблема, и как-то очень быстро сумел сделать то, что оказалось не по силам маститому репетитору.

Через пару-тройку месяцев они могли болтать по-английски: сначала всего несколько минут, а к концу школы — уже часами. К тому времени Мишкин вес как-то незаметно ушел в рост, зато поперли юношеские прыщи. Девчонкам он решительно не нравился, но переживал об этом не сильно. У него была Лига, и если не знать, что она всего лишь друг, со стороны они выглядели парой. Поправиться Лиге так и не удалось, мосластые коленки и торчащие ключицы удручали, да и ростом она не вышла, зато была умненькой и начитанной. С ней Мишке было интересно и спокойно. Ей с ним, кстати, тоже. После школы друзья решили вместе поступать в один из лучших питерских университетов на отделение романо-германской филологии. Мишка поступил легко, а Лига еле пролезла по баллам. Пока ждали зачисления, он, уже зная, что его возьмут в любом случае, искусал себе все ногти — так волновался. Потом Ли-

ге пришлось забинтовывать ему палец: Мишка сгрыз ноготь до крови. Лига даже заплакала от жалости и благодарности.

Они попали в одну группу и были страшно этому рады. Все-таки вдвоем веселей. И учиться, и работать. Получив дипломы, оба поступили в аспирантуру, одновременно защитились и остались преподавать на родном факультете.

Вопрос о том, чтобы начать встречаться, никогда, к счастью, не стоял. Мишке нравился совсем другой типаж: яркие, раскованные и как раз — гламурные. На двух таких он успел жениться еще в университете. Сразу после — еще на одной, как две капли воды похожей на предшественниц. С каждой прожил не больше года. Когда Лига спрашивала, почему он снова женится на той, с кем жить невозможно по определению, Мишка отвечал, что не может отказать себе в сладком.

Сахару в самом деле было много. Даже не сахару, а патоки. Паточные глазки, паточные губки и ужимки тоже паточные. Один общий приятель как-то признался, что через полчаса общения с Мишкиной женой хочется пойти и посмотреть на нормальное человеческое лицо. Абрамсон хохотал, но, набравшись сил после очередного развода, вновь отправлялся по проторенной дорожке. Его прыщи давно канули в Лету, он научился стильно одеваться, благо у родителей водились денежки, которых они не

жалели для единственного отпрыска, и в целом выглядел вполне импозантно.

Однако три последних года у Абрамсона никого не было. Неожиданно он увлекся карьерой, зашустрил, заактивничал и довольно быстро стал заведующим кафедрой. В тридцать лет! От важности он, кажется, даже вырос на пару сантиметров и намного остепенился. Так, во всяком случае, казалось Лиге. Она было подумала горяча, что Мишка наконец пересмотрит приоритеты и сменит предпочтения. Однако до этого, похоже, далеко.

Сама она вышла замуж только в двадцать восемь. Антон Белкин, аспирант с соседнего факультета, не раз попадался ей в столовой, но внимания на нее не обращал. Несколько раз они даже обедали за одним столиком, однако общения не получилось. Белкин, тыкая вилкой в тарелку, все время смотрел в телефон, а Лига просто проглатывала свой салат, выпивала чай и убегала на лекцию. У нее всегда была большая нагрузка, своя и чужая, если просили. А просили часто. Как-то очень быстро коллеги догадались, что патологическая доброта — основной диагноз молодой сотрудницы, и стали пользоваться этим без зазрения совести.

Честно говоря, после двадцати пяти Лига решила, что останется старой девой. Примеров в академической среде было более чем достаточно. Да и на горизонте не маячило ни одной ма-

ло-мальски подходящей кандидатуры. Однако тут внезапно снова обозначился Антон Белкин, хороший мальчик из хорошей семьи. Они наконец-то познакомились, точнее, их познакомили. На преподавательской вечеринке в честь начала учебного года Света Лисина подвела к ней парня, представила и сразу же ушла. Помявшись немного, Антон предложил сходить за шампанским. Лига шампанское не любила, но от смущения с готовностью кивнула. Она думала, что это только повод от нее отвязаться, но Антон принес и шампанское, и пирожные на бумажной тарелочке, и даже салфетки. Лига умилилась. Он, правда, так и не вспомнил их совместные обеды в университетской столовой, но это было уже не важно.

Почувствовав, что за ней ухаживают, Лига вдохновилась. Не то чтобы до Антона этого не случалось, но на сей раз все было иначе. Лига поняла, что за ней не просто ухаживают, а делают это с конкретной целью. За полгода они сумели пройти все необходимые стадии, а когда наконец переспали в загородном отельчике после ее дня рождения, все решилось очень быстро. Утром Антон, поцеловав ее в плечико, сделал предложение. Вечером в присутствии его родителей преподнес букетик и кольцо в малиновой бархатной коробочке, и дело было сделано. Еще через два месяца они поженились и зажили вдвоем в квартире на Литовском про-

спекте, которая досталась Лиге после смерти родителей.

Свой брак Лига считала на редкость удачным, поэтому на Мишкины выкрутасы смотрела несколько свысока, снисходительно. Ну пусть мальчик погуляет! Рано или поздно остепенится, и у него тоже все будет замечательно!

Услышав в голосе друга раздражение и злость, Лига занервничала.

— Сейчас же признавайся, что случилось!

— Ты о чем? — старательно удивился Абрамсон.

— Не прикидывайся. Я тебя знаю как облу-
пленного.

— Отстань, а? Сейчас не об этом.

— И об этом тоже. Как я могу уехать, если у тебя неприятности!

— А если скажу, ты что, останешься? — сразу сделал заход Мишка.

— Еще чего! Я тебя с собой заберу!

Он фыркнул:

— Багажом, что ли? Как говорится, чучелом или тушкой?

— Да как придется. Не увиливай, Миш. Ты же знаешь, я не отстану.

— Да уж знаю, хомяк ты липучий.

Мишка вздохнул и наконец нехотя признался, что последняя по счету паточная жена, с которой он не так давно развелся, объявила ему войну. У нее что-то не складывалось после

расставания с Абрамсоном, и она решила, что, поскольку во всем виноват бывший муж, надо потребовать с него достойную компенсацию. Вовремя выяснилось, что имплантат в левой груди сдулся, губы в результате пластики стали кривиться набок, а в животе после липосакции стало подозрительно булькать. Дама наняла пройдошистого адвоката, и они вдвоем насели на бедного Мишку. Сумма компенсации, по их расчетам, выходила астрономическая, но это было еще не все. К счету прилагались вполне конкретные угрозы. Дело пахло не только мордобоем, но и членовредительством, вплоть до разрезания Мишки на части и запихивания их в мусорный бак.

Поначалу Мишка все воспринял несерьезно, справедливо полагая, что к женским манипуляциям по улучшению себя любимых никакого отношения не имеет, но очень скоро состоялся первый показательный раунд. Вечером практически возле дома его отмузила пара отморожков. Не так чтобы сильно, но Мишка был впечатлен.

С той поры он пребывал в тяжких раздумьях по поводу того, как ему поступить. А счетчик между тем тикал. Через неделю срок, установленный бывшей, истекал, а затем нужно было готовиться к продолжению банкета.

— Ужас! — ахнула Лига, выслушав скорбную повесть о загнанном зайце по имени Мишка.

— Да ладно, не квакай! — попробовал храбриться тот. — Все обойдется. Все равно у меня таких денег не было, нет и, к счастью, не будет.

Лига потрясенно молчала. А вдруг угрозы бывшей совсем не блеф!

— Мишка! — вдруг крикнула она в трубку и оглянулась.

Оказывается, муж во время разговора маячил у нее за спиной. Ее кофе он благополучно допил и догрыз сушки. Ему очень хотелось сходиться за новой порцией «хлебобулочных изделий», как он любил именовать хлеб, благо сушки еще не кончились, но он боялся потерять нить разговора, который жена вела со своим дружкой. Абрамсона Антон терпеть не мог.

— Антон, извини, пожалуйста.

Лига сделала умоляюще-виноватое лицо и торопливо пошла в сторону спальни. Закрыв за собой дверь, она быстро сказала:

— Я знаю, кто нам поможет. И не спорь!

Мишка, которому особенно понравилось местоимение «нам», спорить и не думал. Впервые столкнувшись с шантажом и вымогательством, он в самом деле испугался. Вообще-то он считал себя довольно ушлым малым, третьим калачом и все такое. Но до своей бывшей, очередной по счету, жены ему оказалось далеко.

— Чего ты там еще придумала, мышь полевая?

— У отца друг работает в Следственном комитете. По-моему, на какой-то большой должности.

— Твой отец уже пять лет как умер. Этот друг о нем и думать забыл. Станет он твоими делами заниматься! Тем более что они не твои, а мои.

— Этот станет. И ничего он не забыл! Они с отцом воевали вместе.

— Уверена?

— Абсолютно. Значит, так. Я попробую с ним связаться и договориться о встрече. Жди моего звонка и сиди... Ты где сейчас?

— Дома, — грустно выдавил большой любитель ходить по ресторанам и прочим увеселительным заведениям.

— Вот там и сиди. Все.

Лига нашла нужный номер и решительно набрала. Она боялась, что ей не ответят, но после второго звонка услышала сердитый, как ей показалось, голос:

— Полковник Звягинцев. Слушаю.

— Дядя Толя, то есть Анатолий Иванович, это Лига! Я дочка...

— Привет, дочка! А я как раз сегодня думал: куда это ты подевалась! Не звонишь, не заходишь!

Голос сразу стал мягким. Лига перевела дух и заторопилась:

— Анатолий Иванович! Я...

— Для тебя я по-прежнему дядя Толя!

— Хорошо! То есть да, конечно! Я звоню по делу, вообще-то! Мне помощь нужна!

— Что случилось? Неужели серьезные проблемы?

Голос в телефоне стал напряженным.

— Даже очень! Только не у меня, а у моего друга! Его шантажируют и деньги вымогают! Уже побили и грозятся в мусорный бак выкинуть!

— Понятно, — сказал голос и неожиданно спросил: — Хороший друг-то?

— Очень хороший! Лучший!

— Тогда вот что. Хватай своего друга и привози ко мне. Часика через полтора. Адрес помнишь?

— Рабочий или домашний?

— Рабочий, конечно. Время детское. Нас дома еще и не ждут.

Лига покосилась на часы, стоявшие на тумбочке у кровати. Девять вечера почти. Ничего себе, детское!

— Поняла, дядя Толя. Спасибо огромное!

— Пока не за что. Жду.

Лига засунула телефон в карман джинсов и полезла в шкаф за свитером. Майские ночи в Питере холодные.

— Ты куда?

Антон открыл дверь спальни и встал в проеме. Лига набрала воздуху и выпалила:

— Антоша, прости, любимый, но мне нужно съездить по делам. Я ненадолго.

— Какие могут быть дела ночью?

— Я тебе потом расскажу, ладно?

Она посмотрела умоляюще, но он не дал себя разжалобить: повернулся и молча ушел на кухню. С виноватым видом Лига потрусила следом. Когда он вот так, без объяснений, поворачивался и уходил, она сразу пугалась. Теперь целую неделю будет дуться, не отвечать на ее вопросы и игнорировать все попытки примирения. Она будет подлизываться, ластиться, просить прощения. Он будет холоден, неумолим и строг. Лучше бы разозлился и накричал, пригрозил никуда не пустить. Так нет! Будет молчать, как рыба об лед!

— Любимый, поверь, это очень важно! Ну, пожалуйста!

Лига обняла мужа и прижалась к его обиженной спине. Он отбросил ее руки, подошел к холодильнику и, открыв дверцу, стал изучать содержимое. Смотреть было совершенно не на что. Со вчерашнего дня в холодильнике — только пакет молока и пара банок: с маринованными огурцами и непонятной смесью «Закуска по-итальянски», которую он сам зачем-то купил в супермаркете полгода назад, да так и не решился открыть. То, что в холодильнике нечем поживиться, разозлило его еще больше. Антон наконец повернулся и уставился на жену. Она

подумала, что муж даст ей возможность объясниться, и затянула с новой силой:

— Антоша, дорогой, пойми, это очень важно и очень срочно. Я должна...

Он не дал ей закончить. Выпучив глаза и высоко подняв брови, как делал всегда, когда его гнев достигал апогея, Антон заорал:

— Должна?! Кому ты должна?! Дружку своему?! Абрамсончику?! Дела?! Знаю я, какие у вас дела!

Лига оскорбилась:

— Антон, ты что, с ума сошел? Зачем ты так?

— А как?! — надал он. — С какой стати ты срываешься ночью и куда-то мчишься?! Ради него?! Ради меня ты так не срываешься! Ради меня ты и пальцем не пошевелинешь! В холодильнике мышь повесилась, а ты на свидание мчишься?

Это было просто кошмарно, ужасающе несправедливо, и у Лиги немедленно брызнули слезы. Она не собиралась реветь, но слезы всегда действовали по своему усмотрению. Вот и сейчас они сперва разлетелись почему-то в разные стороны, а потом потекли струйками по щекам. Нос мгновенно разбух, к слезам прибавились сопли. Ужас просто!

— И не пытайся меня разжалобить! Я тебе не лох деревенский!

При чем тут лох, особенно деревенский, Лига не поняла и снова потянулась к мужу.

— Антоша...

Он отбежал от нее за стол.

— Не лезь ко мне! Ты меня оскорбила!

— Да чем? Чем?

На этот вопрос он ответа не приготовил, поэтому крикнул:

— Всем! — И выбежал из кухни.

Лига кинулась в шкафчик за салфетками, высморкалась, вытерла слезы и поплелась было вслед за мужем, но на полпути остановилась и присела на спинку дивана. Ну что за день такой невезучий! Проблемы сестры, проблемы Мишки, проблемы с мужем! И все сразу! И все ей на голову! И все неразрешимые и безнадежные!

В плену трагических раздумий она еще немного посидела, прислушиваясь к звукам в спальне, где затаился обиженный и оскорбленный муж, но все же заставила себя встать и направиться к входной двери. Мишка ждет. Ему нужна ее помощь. Себе она помочь уже не сможет. Но другу помочь должна.

ШАГИ В СТОРОНУ

С дороги она позвонила Абрамсону и велела забрать ее у метро. Мишка жил недалеко, у площади Восстания, поэтому приехал довольно быстро. Опустив стекло, он высунул из машины кудлатую голову и помахал рукой:

— Я тут! Прыгай!

Она села рядом. Мишка потянулся и чмокнул в щеку. Веселые семитские глаза блестели. Что-то не похож он на страдальца. Хотя вон синяк на щеке и царапина за ухом.

— Ты чего, как лягушка препарированная? — спросил Мишка, взглядевшись в ее лицо.

Она отвернулась, и он сразу догадался:

— С Тонечкой своей поругалась?

Лица обозлилась:

— Прекрати его так называть!

— Да его все так называют!

— Ну и что! А ты не называй!

— Ну хорошо, — примирительно сказал Мишка, разворачиваясь на кольце, — скажи тогда, куда мы едем и что нам дадут.

— Мы едем за помощью к папиному другу, и, надеюсь, нам ничего не дадут. Ни срок, ни просто по башке, — пытаюсь успокоиться, ответила Лига.

— Уверена, что смогут помочь?

— Мне — нет, тебе — да.

— Так, значит, поссорила все-таки. Из-за меня?

— Нет.

— Вот только не надо мне врать! Я тебя, гусыня перепончатая, знаю наизусть, как клятву пионера!

Лига перестала шмыгать носом и посмотрела на него удивленно:

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему перепончатая?

Мишка фыркнул и наморщил рыхлый еврейский нос.

— Ты что, не в курсе? У гусей на лапах перепонки. Ну, чтобы в воде плавать.

— И как это связано со мной? — продолжала допытываться она.

— Да никак, черт! Чего ты привязалась? Лучше скажи, где тут припарковаться можно?

Лига посмотрела в окно. Быстро они приехали.

— Встану, где придется, — не дождавшись ее ответа, решил Абрамсон и зарулил на стоянку с табличкой «Только для служебных машин».

Они вылезли каждый со своей стороны и задрали головы, оглядывая здание.

— Вот что у нас умеют, так это народ дурить. Посмотришь на этот милый особнячок и представишь себе литературный салон или музей какого-нибудь дворянского быта. Зайдешь, не подумав, а тебя цап-царап! Не успел по сторонам оглядеться, а тебе уже дело сшили.

Лига молча кивнула и пошла к двери. Мишка посмотрел на унылую спину и покачал головой. Бедная Белка! Все-то на тебе ездят, как на гужевой лошади! Или правильно — на тягловой? Латышская упряжная, вот она кто. Существует в единственном экземпляре. Тонечка, хомяк мелкоотрачатый, совсем ее заездил, а теперь еще и он сам, лось сохатый, сел подруге на шею со своими проблемами и попылил! Мишка потряс головой и, забежав вперед, открыл перед Лигой тяжелую дверь.

Они дошли до проходной и оттуда позвонили Звягинцеву. Пока им выписывали пропуска, Лига все катала свои невеселые мысли. Как она сможет уехать теперь, когда отношения с Антоном ужасно испорчены? Она же с ума сойдет в этой Межотне!

— Проходите, — сказал дежурный, нажимая кнопку.

Они поднялись на третий этаж и по гулкому коридору добрались до кабинета полковника Звягинцева.

Анатолий Иванович сидел за столом и разговаривал сразу по двум телефонам.

— Да, да, конечно, все понятно, хорошо, нет, так не пойдет, ничего не понял, как так, не удалось? — говорил он, поворачивая губы то в одну, то в другую сторону.

Увидев оробевших молодых людей, он кивнул им, показав глазами на стулья у стола, и, продолжая вертеть губами, проговорил еще минут пять. Потом положил обе трубки и сразу взял третью:

— Зайди ко мне, Костя.

Через секунду в кабинете появился молодой мужчина в форме и вытянулся перед Звягинцевым во фрунт.

— Не проверяющие, не бойся. Это как раз потерпевшие.

Мужчина сразу расслабился, вопросительно посмотрел на полковника и сел.

— Давай послушаем, что у них за проблемы, и постараемся помочь.

Слушали внимательно. Молодой, которого им так и не представили, что-то пару раз черкнул на маленьком листочке бумаги, который вынул из кармана. Выслушав до конца, он снова вопросительно взглянул на начальника и слегка пожал плечами.

Лига решила, что сейчас им откажут, и взяла Мишку за локоть.

— Ну что ж, — сказал Анатолий Иванович.

Молодой неторопливо убрал бумажку в карман.

— Все понятно, как дважды два. Дело это не совсем по нашему профилю и не нашего масштаба, но мы вам, Михаил, поможем.

Зазвонил телефон. Полковник Звягинцев поднял трубку и приложил ее к уху.

— Капитан Мальцев этим займется немедленно, потому как проблема не терпит отлагательств. Правильно я понял? — спросил он, слушая, что говорят по телефону.

Они кивнули, как китайские болванчики.

— А мне что делать? — решился спросить Абрамсон, незаметно вытирая о штаны вспотевшие руки.

— А вам лучше отправиться домой и пару дней побыть там. Никуда не ходить, никому не звонить.

— А как я узнаю, что... ну...

— Мы вам сообщим, — неожиданно низким бархатным голосом сказал не произнесший до этого ни слова капитан Мальцев.

Мишка и Лига посмотрели на него, словно только что увидели. Звягинцев прищурился и взглядом отпустил капитана. Тот молча поднялся и вышел. Интересный народ работает в След-

ственном комитете! Как говорится, больше дела, меньше слов!

— Лига, дочка, прости, что сейчас нет времени с тобой как следует пообщаться.

— Я понимаю, дядя Толя.

— Мы сделаем так. Будем на связи. Скоро мне в отпуск. Созвонимся и договоримся встретиться. Буду рад поговорить без спешки. Лады?

Лига кивнула и улыбнулась. Звягинцев ответил такой же мягкой улыбкой.

— Ну а если что, набирай меня немедленно. В любое время суток. Поняла?

— Поняла, дядя Толя. Спасибо вам за все.

— Спасибо скажешь, когда я тебя рыбой копченой угощу и сто грамм налью. Или ты не пьешь по малолетству?

— Да какому малолетству! Мне тридцать уже!

— Я и говорю — по малолетству! Ну ладно, ребята, идите. У меня Поверка на носу, надо перышки почистить.

Они вывалились из подъезда и быстро юркнули в Мишкину машину. Велено же: никуда не ходить.

— Ну, что скажешь? — спросила Лига, пытаясь пристегнуться.

— Крутяк! — восхищенно произнес Мишка, заводя машину. — Пришел, увидел, решил! Вот как работать надо! Не то что мы!

— Тебе Звягинцев понравился?

— Мне кажется, эта категория тут не годится. Понравился, не понравился — для девушек. Тут как-то по-другому.

Мишка почесал живописно спутанные кудри и повернул на Невский.

— Как по-другому?

Лига все дергала ремень.

— Слушай, хватит беситься! — не выдержал Мишка. — Пристегнись уже!

Она послушно защелкнула ремень и, насупившись, отвернулась.

— Ну вот, теперь еще обижаться будет, сурикат общипанный!

Разозлившись, Абрамсон крутанул руль так, что ее мотануло в сторону. Она ухватилась за ручку двери, но промолчала.

— Короче, твой полковник меня впечатлил, но сейчас не об этом! Меня раздражает, что ты бесишься из-за своего мужа!

— Я не бешусь!

— Бесишься!

— Нет!

— Коза непарнокопытная!

— Сам дурак!

— Все равно не умешь обзывать, поэтому лучше все расскажи старшему товарищу! Он позволит тебе обрыдать свою новую жилетку!

Лига еще немного помолчала, а потом наконец сдалась.

— Антон на меня злится, и я не знаю, как смогу уехать. Боюсь, что испорчу отношения с ним. А не поеду — совесть замучает. Я нужна Инте.

Они перескочили через Обводный канал и помчались в сторону Пулкова, а Лига даже не заметила.

— Мы с сестрой вдвоем остались, сам знаешь. Помочь ей некому. Но как оставить Антона? Все-таки он для меня самое главное в жизни...

— Да, выбор эпохальный, ничего не скажешь!

Мишка саркастически хмыкнул:

— Но ты же не навсегда уезжаешь, а на несколько недель. Отпуск на месяц взяла? Ну вот! За месяц твой муженек соскучится, оголодает, завалится грязным бельем и, поверь, встретит тебя с распростертыми объятиями.

— Я в Межотне вся издергаюсь.

— Да ладно! А где, кстати, эта Межотня находится? Далеко от Риги?

— Семьдесят километров, по-моему.

— А народу там сколько?

— Человек триста или чуть больше.

— Безлюдье, короче. Ну а что там вообще есть?

— Дворец восемнадцатого века, а в нем отель.

— Да ты чё? Отель? А кому надо в нем сидеться?

— Там места красивые. Исторические. Антон говорил, связаны с Бироном. Или с Павлом Первым. Не помню.

— А как насчет любви к русским?

— О! Все местные, как один, русофобы! Это Инта уже заметила, хотя живет всего месяц.

Мишка с деланым испугом растопырил глаза:

— А тебя, случайно, не съедят? Ты же к ним из России припрешься.

— А я никому не скажу. Буду сидеть тихо, как мышка.

— Не сомневаюсь. Да уж... Безлюдье, безделье и скука смертная.

— Примерно так. Правда, есть двое племянников. Бандиты еще те! Буду с ними возиться, пока Инта ищет работу, ну и... утешать ее.

— Я, конечно, с ней не часто встречался, но ты всегда говорила, что она у тебя вся такая деловая и боевая!

— Так и есть. Всегда была сильной и самостоятельной, в отличие от меня. Но предательство мужа... Даже не знаю... Может, все произошло слишком неожиданно и ей просто нужно прийти в себя. Устроится на работу, и жизнь наладится.

— А что она в этом захолустье делает?

— Там у нас полдома от тетки осталось. От мужа она съехала, так что это был единственный вариант. Я вообще ее к себе звала, у нас

квартира большая, но она сказала, что, пока там не закончит, никуда не поедет.

— Развод?

— Пока не знаю. Главное, ее поддержать и успокоить.

— Белка-утешительница, одним словом. Перспектива... Главное, постарайся поскорее вернуться.

— Сама хочу, но... Как получится, одним словом. А куда мы, кстати, едем?

— Да решил покатать тебя, а то ты какая-то смурная и колючая.

— Как ежик задрипанный? — поинтересовалась она.

— Хуже. Как дикобраз длиннохвостый!

— Они что, самые злобные?

— Самые глупые. Все их обижают и используют. Особенно мужья.

— Миш, ну хватит уже меня третировать. Я и так сама не своя.

— Да ладно, прости. И, кстати, спасибо за помощь. Как это у тебя получается? Когда дело касается других, ты горы свернешь, а если речь о тебе, просто инфузория-туфелька!

— Не люблю обижать людей. Ссориться и качать права — тоже.

— Да это всем известно! Поэтому на тебе ездят все кому не лень, включая меня, грешного. И за это прошу меня простить.

— Мишка, я для тебя... ты знаешь.

— Знаю, конечно, потому и не могу удержаться, чтобы не попользоваться твоей евангельской добротой! Обещай, что вернешься на факультет при первой возможности, трясогузка моя перелетная!

— В этом можешь не сомневаться.

— Только не говори, что все дело в Тонечке!

— И в тебе тоже, мой настойчивый друг.

— Тогда, может, заедем в паб на Садовой?

— Мишка, ты дурак? Тебе же Звягинцев велел из дома носа не показывать!

— Ой, точно! Забыл!

Мишка мотнул кудрями.

— Тогда куда?

Лига длинно вздохнула:

— Домой, Мишка, домой. Мне же собираться надо. Послезавтра вылетаю в Ригу.

— Проводить?

— Мишка!

— Ой, опять косякнул! — пискнул Абрамсон. — Ну ладно. Все равно муж твой попрется провожать!

Вот в этом Лига как раз не была уверена. Она вообще не надеялась, что Антон ждет ее возвращения.

Обычно после ссор он уезжал к родителям в Купчино и отсиживался там до тех пор, пока изнемогшая от чувства вины и раскаявшаяся жена не приходила к нему на работу, чтобы уговорить вернуться. Через час или два он давал себя

уломать и возвращался в лоно семьи победителем. Сценарий ни разу не менялся.

Мысль о том, что муж оставил ее одну перед отъездом, просто прибивала ее к земле. А если она не успеет с ним объясниться? Вернется ли он тогда вообще? Антон такой чувствительный и гордый! Он ни за что не придет мириться сам! Что ей тогда делать? Как жить?

— Белка, ты — тюлень бесхребетный! Вот честное слово! Да твой Антон — просто заласканный и обнаглевший абьюзер!

Неужели она говорила вслух? Вообще с ума сошла?

— Мишка, ну прошу тебя, не надо. Не хватало еще с тобой поругаться. Я просто люблю мужа и хочу жить с ним. Это тебе понятно?

Она вдруг заплакала по-детски горько и громко. Мишка срочно свернул к тротуару, затормозил и остановился. Веселые кудри жалостливо повисли над сразу ставшими очень виноватыми карими глазами.

— Ну прости меня, барана безрогого, слышишь? Ну, Белка! Ну чего ты реवेशь белугой болотной! Я не хотел! Я просто тупой овцебык! А ты — белочка пушистая! Ласточка весенняя! Козочка горная! Ну... как еще? Лисичка-сестричка, зайка-поскакайка, мышка-норушка, лягушка-квакушка!

Лига всхлипнула и хмыкнула сквозь слезы. На Мишку сердиться невозможно.

— Ну, вот видишь! Реветь не надо!

Вынув из упаковки влажную салфетку, он вытер Лиге щеки и нос.

— Высморкайся.

Она послушно высморкалась. Мишка тронулся с места.

— Хочешь, я буду звонить тебе каждый день? Если все будет плохо, сам прилечу и эвакуирую тебя из этого латышского Крыжопля.

— Звони, — согласилась Лига, и ей почему-то стало легче.

Мишка довез ее до дома и, в сотый раз выслушав наказ никуда не ходить и никому не звонить, отбыл к себе.

Лига поднялась на четвертый этаж и открыла дверь квартиры. Прислушалась — тихо. Страхась, что сбылись ее худшие предположения, она сбросила туфли и побежала по квартире. Так и есть — никого. Трясущимися руками она достала сотовый и набрала номер мужа. Телефон был отключен. Она позвонила еще раз пять, прежде чем поверила в то, что Антон обиделся окончательно и бесповоротно.

Ну и что теперь будет? Она села и тихонечко завывала.

Утро застало ее спящей на кресле в неудобной позе. Ноги затекли, скрюченное тело ныло, рука, на которой лежала голова, вообще онемела и перестала слушаться. Лига кое-как выпрямилась и сразу вспомнила все! Антон ее бросил!

Обиделся и ушел! Мобильник она по-прежнему сжимала в руке. Вдруг муж на связи! Телефон отозвался женским голосом, сообщившим, что абонент временно недоступен. Временно. В этом слове теплилась надежда. Весь день, собирая чемодан и заодно наводя порядок в квартире, она звонила мужу. Безрезультатно.

Вечером, не выдержав телефонного молчания, уже было собралась ехать в Купчино.

И не поехала.

Поставила доверху набитый вещами чемодан у двери, пошла в спальню и легла спать. Завтра утром ей надо уезжать. Надо.

МАРШРУТ ПОСТРОЕН

В аэропорту Риги она бывала не раз, поэтому довольно быстро прошла паспортный контроль, получила багаж и, найдя нужную стоянку, выехала в город. Автовокзал тоже ее не огорчил. Автобус до Межотне выехал по расписанию. Лига села в кресло и почувствовала, что волнуется перед встречей с Интой.

Сестру она не видела почти два года. За это время много чего произошло. Как они встретятся теперь? Будут ли по-прежнему близки, как положено двойняшкам?

Инта родилась на десять минут раньше и, как водится, считала себя старшей сестрой. Да Лига и не возражала. Она не любила верховодить, а Инта — наоборот. Мать дала им прекрасные имена: Инта — «фиалка», Лига — «нежная». По замыслу родителей в сумме должна была получиться «нежная фиалка». В результате Фиалка

вышла бойкой, грубоватой и нахрапистой, а Нежная — слишком мягкой и абсолютно, как считали все, кроме отца, бесхарактерной.

Лиге никогда не нравилось ее имя. Как вы лодку назовете, так она и поплывет. Когда семья из-за работы отца перебралась в Петербург, в школе долго переспрашивали:

— Лига? Так и писать?

Даже продвинутая директор и та поучительным тоном заметила, что, выбирая ребенку имя, мы выбираем ему судьбу. Вот почему бы не назвать девочку Верой, Надеждой или Любовью? Папа покивал и не стал объяснять, что на латышском это будет — Тициба, Цериба и Милестиба. Неплохо для девочки?

Одноклассники тоже долго не могли привыкнуть к ее имени. Иногда стебались. Лига? Футбольная или хоккейная? На высшую не тянешь! Наверное, поселковая! Поселковая Лига! Или нет! Подъездная! Лига тощих подъездных кошек! И так далее.

Лига расстраивалась, конечно, но старалась прятать свою обиду, иначе задразнили бы окончательно. Так было всегда. Ее дразнили — она отмалчивалась, ее обижали — она терпела.

Старшая сестра, конечно, обижала чаще и изобретательнее других. У нее для мямли всегда было приготовлено немало приколов и подколов: одновременно или попеременно в зависимости от настроения.

Когда после окончания школы Инта неожиданно вернулась в Латвию и поступила в колледж, Лига сначала даже вздохнула с облегчением: одним обидчиком меньше. Но очень быстро заскучала. Стокгольмского синдрома у нее, конечно, не было, но связь, которая обычно бывает между близнецами, заставляла чувствовать себя как бы неполной, не целой. Инта, похоже, испытывала то же самое. Они часто звонили друг другу, разговаривая порой часами, и постепенно их отношения, по крайней мере на расстоянии, стали действительно сестринскими. Возможно, они просто повзрослели.

И тут Инта влюбилась в горячего латышского мачо по имени Эдгарс Эглитис, и ее жизнь понеслась совсем в другую сторону. Колледж она немедленно бросила, потому что хотела все время быть с обожаемым возлюбленным, тут же забеременела и, продолжая водить хороводы вокруг своего красавчика, родила. Появление сына не слишком изменило стиль отношений в паре. Инта по-прежнему крутилась то возле, то вокруг Эглитиса, а тот стремился из малюсеньких бизнесменчиков выбиться хотя бы в небольшие, поэтому все время отдавал работе и не торопился узаконить отношения с матерью своего ребенка.

Так продолжалось еще пару лет, пока на горизонте прекрасного принца не замаячила новая принцесса. Та в глаза ему не заглядывала

и на цирлах перед ним не ходила. Тоже бизнес-леди, к тому же гораздо круче Эглитиса. Как только Инта заподозрила, что нежный возлюбленный ходит на сторону, она немедленно забеременела второй раз, подключила его родителей, и совместными усилиями они все же затаскивали свободолюбивого мачо в загс.

Три года все было тихо. По крайней мере, Инте так казалось. Она успокоилась и закурила вокруг теперь уже законного мужа пуще прежнего.

— Двое детей — не шутка! Куда он денется! — довольно смеясь, говорила она.

Лига не была в этом уверена. Она пыталась сказать об этом сестре, но всегда уверенная в своих решениях Инта быстренько заткнула ей рот:

— Вот родишь своих, тогда и поговорим!

На тот момент Лига даже не была замужем, так что, признавая железобетонную правоту сестры, послушно заткнулась, хотя подозревала, что даже двое детей не заставят ловеласа сложить оружие и отказаться от своих привычек.

И точно. Через пару месяцев после их разговора выяснилось, что подлец Эглитис уже год живет с какой-то нимфеткой и даже купил ей колечко с бриллиантом. Как говорится, в лучших традициях!

Инта была в шоке, ужасе, ярости! Сгоряча она запустила в мужа хрустальной пепельницей, подхватила детей и уехала «в деревню к тетке, в

глушь, в Саратов», как восклицал бессмертный Фамусов. Так она оказалась в маленькой деревушке под названием Межотне.

Лига считала, что сестре не следовало уезжать. Этим она только развязала «гадскому папе» руки и дала возможность почувствовать вкус настоящей свободы. Однако высказывать свое предположение не стала. Все равно Инта слушать не будет.

Как все верные жены, сестра была уверена, что изменщик прибежит просить прощения, как только останется без детей, обедов, чистых рубашек, постоянной заботы и, конечно, без нее, самой преданной супруги.

За тот месяц, что Инта прожила в Межотне, Эглитис не позвонил ни разу, и этот факт ее страшно напугал. Она вдруг осознала, что любовь и забота ничего не стоят, если мужчина разлюбил. И как она могла быть такой наивной душой! Служила мужу, как верный пес, решала все проблемы, защищала его права, кормила с ложечки, обхаживала, уверенная, что этим привязала к себе навсегда. А тут такой облом! Система ее жизненных ценностей дала сбой.

Между тем ни денег, ни способа их заработать в маленьком поселке не было.

Тут Инта вспомнила о своей послушно молчащей сестре и потребовала от нее сочувствия и помощи. Она не сомневалась, что Лига придет и возьмет на себя часть проблем. Собственные

проблемы и обязательства младшей сестры в расчет не брались. Инта нуждается и помощи, и Лига должна ее оказать.

Все вышло так, как она предполагала. Сестрица бросила все свои неважные дела и полетела решать проблемы Инты.

Автобус остановился возле странного сооружения вроде дощатого ларька, засунутого под навес, на бетонной крыше которого красовалось название поселка, полускрытое нависшими ветками деревьев.

Лигу никто не встречал. Она посмотрела по сторонам, увидела почтовое отделение, магазин и кусочек парка. С тоской оглянулась на чемодан, который водитель непочтительно выбросил на асфальт. Лига лишь примерно представляла, в какой стороне дом тетки: бывала в нем очень давно, когда та была еще жива. За остановкой начинался поселок, состоявший из смеси старинных домиков, полуразрушенных строений и еще ничего себе трехэтажных домиков, похоже, советских времен.

Лига постояла еще немного и набрала номер сестры.

— Ты что, уже приехала? — услышала она ее голос.

— А ты меня только завтра ждала, что ли?

Лига была зла, и, поняв это, Инта сразу пошла в наступление:

— Не могла с дороги позвонить? Мол, подъеду через полчаса! Вечно с тобой одни проблемы!

С ней проблемы? Ну это уже чересчур!

— Мне что, так и стоять тут до завтра?

— Черт! Двигайся по дороге, я выхожу навстречу!

— Премного благодарна, — со всей язвительностью, на какую была способна, проскрипела Лига, дернула чемодан за ручку и потащилась в направлении старых построек.

Правду говорят, ни одно доброе дело не остается безнаказанным! Спешила на помощь сестре, а та ведет себя так, словно это она, Инта, делает одолжение! И вообще, похоже, ее тут никто не ждет!

Растравляя себя злыми мыслями, она прошла еще метров сто, и тут сзади на нее налетел тайфун. Он смял, закружил, затормошил и затискал усталую путешественницу так, что она едва устояла на ногах.

— Ты моя сестричка, птичка-невеличка, девочка-припевочка, маленькая белочка! — завопил тайфун, чмокая Лигу в щеки, нос и уши.

Не выпуская сестру из объятий, Инта посмотрела ей в лицо и, убедившись, что та больше не сердится, чмокнула еще раз, для верности.

— Давай чемодан! А что такой маленький?

Инта суетливо схватила вещи сестры и потащила ее за собой. Лига едва поспевала за ней.

— А я как раз в парикмахерскую решила сбежать. Причипуриться перед твоим приездом!

Веселые кудряшки прыгали вокруг круглого лица сестры. Глаза смеялись. Щеки розовели. Может, все не так плохо? Лига немного приободрилась.

— Выглядишь, кстати, отлично, — продолжала подлизываться Инта, — ишь, какая румяная!

Бледная и усталая Лига только кивнула. Ну пусть Инта немного поластится к ней. Не так часто она проявляет сестринскую нежность.

— Мальчишки дома. Ждут гостей.

— Одни?

— Да не с кем оставить. В детсад их сейчас не возьмут. Через месяц все равно на лето закроется.

— Не боишься одних оставлять? Они же крохотные.

— Боюсь, конечно! Но теперь у меня есть ты! Лига снова кивнула.

— Я работу ищу. Но тут устроиться почти невозможно. Попробую поискать по соседним поселкам. Мы, кстати, уже пришли.

Лига оглядела довольно крепкий одноэтажный домик на две квартиры.

Инта подтащила чемодан к правой из двух дверей и позвонила. Внутри что-то загрохотало, и сразу стало очень тихо.

— Мальчишки, хулиганы, открывайте! — закричала Инта.

Щелкнул замок, дверь тихонько отворилась, и в щелку пролезла маленькая голова, измазанная чем-то густым и черным. Увидев мать, она широко открыла рот и заревела басом:

— Мама, на меня Витас банку свалил!

Инта бросилась к сыну и, схватив его, провела рукой по волосам. На ладони осталась горсть черничного варенья.

— Боже, что вы натворили, бандиты? Паулс, солнышко, где болит? Куда упала банка?

— Прямо на меня... бьы...

— На тебя только варенье шлепнулось, а банка на пол упала! — пропищал виновник происшествия в глубине коридора.

— Все равно... бьы... Варенье тяжелое было...

Инта затащила рыдающего бедолагу в дом. Лига, забыв про чемодан, ворвалась следом и увидела второго племянника, тоже залитого вареньем, только у того сладкая масса была на животе. Черничные следы уходили на кухню и заканчивались огромной черной кучей.

— Ну сейчас кто-то получит! — пригрозила Инта, не отпуская младшего сына.

Старший тут же пустился наутек.

— Стой! Лига, лови его, а то он тут все перепачкает!

Лига бросилась наперерез убегающему проказнику и успела схватить его за руку.

— Куда ты? Надо быстрее в ванную бежать! Мыться!

Она сгребла ребенка и пошла вслед за сестрой.

Полностью отмыть разбойников им не удалось. Чернота уже успела впиться в волосы и кожу. Со стороны смотрелось не только комично, но и утрашающе.

— Ну вот что теперь с вами делать, паразиты! Все в папашу! Тот тоже! Напакостил — и наутек!

— А где папа? — сразу же спросил трехлетний Паулс и посмотрел на мать огромными голубыми глазами.

— Папа объелся груш и теперь лежит в больнице! — объявила Инта, вытирая синие волосы сына.

— А мы к нему поедим?

Пятилетний Витас выбрался из полотенца, в которое его закутала Лига.

— Кто это говорит? Мальчик с синей головой и мальчик с синим пузом? Посмотрите на себя! Вас не то что в больницу — из дома нельзя выпускать! Весь народ в обморок попадает!

Дружный рев был ей ответом.

— Пашка и Витька! — по-русски назвала племянников Лига. — Хватит реветь! Лучше посмотрите, что я вам привезла!

Малыши разом замолчали и уставились на тетку.